– Даже если она не признает меня, в этой жизни у меня только одна дочь. Считайте, что я искупаю свои ошибки… – Цзин Чжань выдавил улыбку и сказал: – Родив её, но не воспитав, позволив ей самой постоять за себя на улице четырнадцать лет… Все эти годы… Это такой ужасный грех… Так что просто позвольте мне использовать остаток своей жизни, чтобы сохранить её в целости и сохранности.

Цзин Юэ прикусила губу, не позволяя себе издать ни малейшего звука, пока слова Цзин Чжаня звучали в её ушах. Она чувствовала, как боль накатывает волна за волной в её изначально спокойном сердце, которое, как думала девушка, может всегда оставаться спокойным и невозмутимым.

Однако, когда она услышала такие слова, глаза Цзин Юэ не могли не покраснеть.

Увидев, что голова Цзин Юэ поникла, Син И слегка поджал губы и позвал:

– Хуанфэй…

– Пойдём, – Цзин Юэ медленно повернулась, опустив голову, чтобы люди не могли ясно видеть выражение её лица. Син И был ошеломлён, наблюдая, как Цзин Юэ развернулась и ушла, не зная, что она чувствовала после того, как закончила слушать.

Она вернулась во двор и подняла голову, развалившись на кровати. Пара чёрных как смоль глаз была открыта и смотрела на совершенно неподвижную занавеску кровати, в то время как в её голове крутились разные мысли. Слова Цзин Чжаня эхом отдавались в её ушах. В этот момент Цзин Юэ сама не понимала, что она чувствовала в конце.

Когда Сяо Чэнь вошёл внутрь, то увидел именно такую Цзин Юэ. Он махнул рукой, заставив Инь Цяо, которая встревоженно стояла в стороне, отступить, и шагнул вперёд, чтобы сесть рядом с Цзин Юэ. Он опустил голову, чтобы посмотреть в чёрные как смоль глаза Цзин Юэ, прежде чем поднять руку, чтобы слегка погладить её по щеке.

Цзин Юэ на мгновение закрыла глаза, но снова открыла их, чтобы посмотреть на Сяо Чэня, спрашивая:

– Он ушёл?

– Да, он ушёл, – Сяо Чэнь кивнул. Он достал из-за пазухи пузырёк с лекарством и сказал: – Он услышал, что ты ранена, и послал лекарство для твоей раны.

Цзин Юэ села, уставившись на лекарство в руке Сяо Чэня, некоторое время колебалась, прежде чем протянуть руку, чтобы взять его. Когда она почувствовала тепло на бутылочке с лекарством, ей вдруг показалось, что она держит пару больших рук, настолько тёплых, что она была полностью поглощена внутри.

Такого тепла она никогда раньше не испытывала.

Снова и снова она говорила себе не тосковать. Снова и снова она говорила себе сопротивляться. Она скорее хотела бы, чтобы её отец действительно бросил её, что это было потому, что он действительно не хотел её, вместо того, чтобы не иметь выбора и действительно любить её в своём сердце всё это время. Теперь, такого рода ситуация заманивала Цзин Юэ в ловушку противоречия.

– Сяо Чэнь, ты собираешься ему помочь? – спросила она, крепко сжимая фарфоровую бутылку в руке.

– Я собираюсь, – Сяо Чэнь кивнул и медленно сказал: – Если резиденция канцлера может быть мне полезна и может заставить Сяо Цзин Жаня иметь на одного помощника меньше, почему я не должен?

Цзин Юэ поджала губы. Она никогда не знала об этих делах Императорской семьи. Однако она знала, что Сяо Чэнь и Сяо Цзин Жань были на противоположных сторонах.

– Даже если я не помогу ему, он всё равно сможет вернуть себе должность господина дома, – Сяо Чэнь прищурился, сказав: – Ты не можешь недооценивать способности Цзин Чжаня. Более того, есть ещё Цзин Лан, который владеет силой трёх армий… Просто, если я помогу ему, он сможет занять должность господина дома с максимальной скоростью и без малейших последствий.

– Что это значит? – спросил Цзин Юэ, слегка нахмурившись.

– Цзин Чжань, в конце концов, был неподвижен уже четырнадцать лет… Вдобавок ко всему, у него была неизлечимая болезнь ног… В семье наверняка найдутся старейшины, которые не примут его. Второй господин, несомненно, использовал бы это как предлог, чтобы избить его. Если Цзин Чжань хочет укрепить своё положение, как он может достичь этого всего за три или пять лет? Если Бэнь Ван вмешается и поддержит его, кто осмелится сказать хотя бы половину предложения? – Сяо Чэнь показал очень высокомерную, очень презрительную улыбку.

Действительно, достаточно высокомерно!

Цзин Юэ, давно зная о его характере, уставилась на Сяо Чэня, не произнося ни слова. Затем она нахмурилась и сказала:

– Я слышала, что ноги Цзин Чжаня тогда были в порядке, как он вдруг стал калекой?